

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Литературный журнал

Verba

<https://verba.petsu.ru>

Выпуск 7 (№), 2024

Главный редактор

И. В. Львова

Редакционная коллегия

И. В. Львова

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail: verba@petsu.ru

<https://verba.petsu.ru>

Критика

Откровение Юрия Стефанова

ЧУПРИНЮК Андрей

ПетрГУ (Петрозаводск),
natalia.l.shilova@gmail.com

К сожалению, имя Юрия Стефанова прочно забыто современным читателем. Полное собрание сочинений автора вышло смешным тиражом в 35 экземпляров, немногочисленные опубликованные книги давно не переиздаются, а изданные труды почти невозможно найти на полках библиотек и онлайн-читален. Причины подобного положения вполне понятны — в нашей литературе сложно найти автора, сопоставимого по сложности со Стефановым. Современный читатель, которому с трудом дается классика русской литературы, никогда не обратит внимание на писателя «туманного содержания»: что непонятно — то ненужно. Я не стану утверждать, что понял Стефанова — это была бы страшная ложь. Понять Стефанова может лишь человек, сравнимый с автором в своих академических познаниях, — наберется ли хотя бы десяток таких на всю нашу страну? Несмотря на это поэзия русского скальда сильно потревожила мою душу, а потому я предпринял робкую попытку познакомить читателя со Стефановым — поэтом-шаманом железного века русской литературы.

Во многом Юрий Стефанов — апокалиптический поэт. Испытав сильнейшее влияние Рене Генона и Юлиуса Эволы, Стефанов перенес представление философов-традиционалистов о конце времен в свои произведения. Поэма «Конь-осьминог» — яркий тому пример. В ее основу лег сюжет о жертвоприношении Одина — германского бога воинов, поэтов и жрецов. Вот как этот сюжет описывается в «Старшей Эдде»:

«Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты

в недрах неведомых.

Никто не питал,
никто не поил меня,
взирал я на землю,
поднял я руны,
стена их поднял —
и с древа рухнул» .

Поэма открывается сценой жертвоприношения — мы видим германского бога умирающим на Мировом древе:

«Кровоточит мой бок, вывалился язык.
Вот он я, враний бог, вот он я, браней бык.
Бой не с самим собой — это для смертных рать, —
Схватку бога с судьбой страшно мне проиграть.

<...>

Чуть не сломился сук, впился в глотку аркан.
Вот он я, бог-бирюк, Вотан, мертвый шаман».

Уже в самом единическом сюжете заложена основа для трансформации образа скандинавского бога, которую предпринимает автор: Один приносит себя в жертву себе, как позднее это сделает Христос, и перенимает функции Сына Господа. Так, языческий сюжет «Старшей Эдды» модифицируется смертью Одина и его воскрешением:

«Вот он я, навий кум, Вотан, поганый гриб
С синим трупным лицом, всем грибам побратим.
Кто не стал мертвецом, тот не судья живым.

<...>

Полой гробницы суть, спелой грибницы сеть.
Нужно веки сомкнуть, чтоб навеки прозреть
И бессмертия снедь смертным слепцам скормить.
Вовремя умереть — значит, нашарить нить,
Что из царства быка, минособа тельца,
К свету наверняка выведет и слепца».

Вотан Стефанова становится судьей и одновременно мессией, несущим бессмертие людям. Подобно тому, как через хлеб евхаристии можно причаститься плотью Иисуса, так и плотью Одина можно причаститься — через гриб:

«В тьме преисподних дыр бога теснит судьба.
Жертвой держится мир. Жуйте же плоть гриба».

Умирая, Один меняет облик — с мессии, несущего бессмертие людям, на разрушителя мира — Игга;

«Гляньте: я гол, как червь. Смыт с меня прежний лик
Ныне я кол и вервь, бог-страшилище, Игг».

Принимая облик Игга (Ygg, с древнескандинавского «страшный, ужасный»), Один окончательно уподобляется Иисусу, о чем заявляет сам бог:

«О, предвечный венец из колючих ветвей!
Вот он я, бог-мертвец, победивший червей.
В Ревеле можно зреть каменный образ мой:
Смертью поправший смерть, змий поник головой
На поперечный брус пыточного столба.
Вот он я, ваш Иисус, ваша жизнь и судьба.
Кровоточит мой бок, в лоб колючка впилась.
Вот он я, мертвый бог, Вотана ипостась».

С обращением Одина в Игга начинается конец времен — параллель с Иисусом трансформируется в общность образа Одина-Иисуса. Он начинает мстить тем, кто отринул его как машиаха :

«Эй, Моисей, стой! Овод, уймись, не жаль.
Жаль только тех, кто мне с уксусом трость поднес.
Мир пылает в огне. Лает подземный пес».

Одновременно с этим Один отождествляется со своим конем Слейпниром и Мировым деревом Иггдрасилем (чьё название переводится как «конь Одина», и через что он также является его скакуном). Отождествление с конем продолжает мотив метаморфозы бога, ставшего из закланного в духе индийского ритуала ашвамедха коня Змием-разрушителем:

«Мертвый косящий взор: что-то осталось в нем
С тех довременных пор, когда был я конем,
Прежде чем змием стать, ибо неверен взгляд,
Будто конская стать не древнее, чем яд
Ветхозаветных глав, змей, вкушающих прах.
Смертию смерть поправ, конь нагоняет страх
На вершителей бед, мстящих исподтишка.
Небо — его хребет, страны света — бока.

...На мутителей вод, на хулителей Вед...»

С приходом Змия начинается светопреставление, разворачивающееся в образах библейской книги Апокалипсиса и современных катастроф:
Полынь-звезда пала на лоно вод,
Землю, воздух, эфир, церковь, избу, острог.

Мор пожирает мир. Мертвый встает чертог,
Свит из змей, как плетень: всем живым поперек.
Судный день — дребедень. Мой денек — Рагнарек.
Белка, шустрый зверек, скачет то вверх, то вниз.
Снизу—полчища крыс. Сверху — стаи ворон.
Мир меж ними повис. Гибель со всех сторон.
Ширится с каждым днем зев озонной дыры.
Смрадным горят огнем нефтяные костры.
Стали сущим зверьем осы и комары.
Древних драконов кровь претворена в мазут.
Из преисподней вновь чудища в мир ползут.
Рыщет голодный люд. Блуд ненасытный лют.
С неопознанных блюд демоны так и льют

<...>

Третий ангел трубит. Горьки истоки вод.
Вымрет, как трилобит, весь наш поганый род.
Чем вы лучше их всех, канувших в темный ров,
Дронтов, ихтиостег, стеллеровых коров?
Я подносил вам гриб, я предлагал вам хлеб.
Разве вы не смогли б стать превыше судеб,
Уподобившись мне, смертию смерть поправ?
Я— опять на коне, вы — лишены всех прав,
Выселены из куц райских — в бетонный ад.
Как я ни всемогущ, вас не вернуть назад».

Несмотря на мрачное пророчество, в котором, казалось бы, нет места надежде, Стефанов зашифровывает в тексте послание о спасении мира. Один заявляет, что «Судный день — дребедень. Мой денек — Рагнарек». Как известно, Судный день знаменует собой конец земного мира и вечное блаженство или мучение для людей. Рагнарек же, напротив, является лишь перезапуском мира, который возрождается к жизни после страшных разрушений. Кроме того, строчки, в которых Один отождествляет себя с Вишну, перечисляя его воплощения («Перерождений путь я свершил наконец./Рыбой, и кабаном, и человеко-львом/Был я в краю ином...»), указывает на то, что последний образ Одина — это Калки, десятый аватар Вишну, мессия, что уничтожает мир ради его возрождения. Это далеко не все образы и мотивы, что можно найти в «Коне-осьминоге» Юрия Стефанова: мною был сделан лишь поверхностный разбор того небольшого, что необходимо для понимания эсхатологического сюжета поэмы. Пусть читатель, если мне удалось его сколько-нибудь заинтересовать, сам прочитает и насладится сложной поэтикой произведения.

Вот речи Высокого,
в доме Высокого,
нужные людям,
ненужные ётунам.
Благо сказавшему!
Благо узнавшим!
Кто вспомнит — воспользуйся!
Благо внимавшим!

Перевод с древнеисландского Ю. Корнеева.

Вотан — одно из имён Одина.

Машиах, или мессия (др.-евр. Машиах, «помазанник»), в религиозно-мифологических представлениях иудаизма идеальный царь эсхатологических времён, посредник между богом и людьми, носитель высшего авторитета на земле, спаситель, приносящий с собой новое, исправленное состояние всего мирового бытия.

Ашвамедха – в древнеиндийской мифологии ритуал жертвоприношения коня.